

Екатерина Мосина

The background of the cover is a photograph of two young girls in a hallway. The girl on the left has long, flowing blonde hair and is smiling. The girl on the right has short dark hair and is holding a pair of scissors, appearing to cut the blonde girl's hair. The hair is depicted as a bright, glowing streamer. Several monarch butterflies are flying around the hair. The hallway has warm lighting and a blurred background.

**Дружба на  
квантовом уровне:  
история Аннушки и  
Августюши**

Екатерина Мосина

**Дружба на квантовом уровне:  
история Аннушки и Августюши**

«Автор»

2026

**Мосина Е. А.**

Дружба на квантовом уровне: история Аннушки и Августюши /  
Е. А. Мосина — «Автор», 2026

«История А и А» — это тёплая, философская и искренняя книга о 2х девушках, чья встреча в школьном коридоре становится началом удивительной вселенной, где повседневность превращается в сказку, а научные концепции — в живые метафоры. Аннушка — яркая парикмахерша, создающая не причёски, а настроение и счастье. Августюша — спокойная, рассудительная экономист/преподавательница, мечтающая о том, чтобы её знания действительно помогали людям. Их дружба, основанная на принципе квантовой запутанности и дополнительности Бора, становится той невидимой нитью, что соединяет, казалось бы, несовместимые миры: парикмахерское искусство и экономические графики, ночные поездки в кабриолете и семейные заботы, радости и разочарования. Через юмор, нежность и глубокие размышления о жизни автор показывает, что настоящая дружба — это точная наука взаимного спасения, способная удержать на орбите даже тогда, когда весь мир рушится. Книга о том, как 2 разных человека создают целое, которое богаче любой суммы частей.

© Мосина Е. А., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                                                                     |    |
|-------------------------------------------------------------------------------------|----|
| Глава 2. Разные пути – один ритм, или Двойная жизнь Августюшы                       | 7  |
| Глава 3. Свадьба и творческий полёт, или Как создать шедевр из<br>обычного четверга | 9  |
| Глава 4. Преподаватель и ученица, или Как кривая спроса вывела на<br>орбиту дружбы  | 11 |
| Глава 5. Ночные поездки и кабриолет судьбы, или Звёздная пыль на<br>лобовом стекле  | 14 |
| Конец ознакомительного фрагмента.                                                   | 15 |

# Екатерина Мосина

## Дружба на квантовом уровне: история Аннушки и Августюши

Книга история А-А

**Дружба на квантовом уровне: история Аннушки и Августюши**

«В этой книге повседневность становится сказкой, а философские концепции – частью живого, теплого повествования. Приступаю, постараюсь сохранить дух оригинала и добавив ноты искренности, доброго юмора и глубины, которые были в оригинале истории судеб двух очаровательных главных героинь.» - от автора.

### Глава 1. Перетасовка классов и принцип Бора

В тот год мир Аннушки и Августюши слегка перевернулся. Не сильно, не катастрофично – просто Вселенная, в своем бесконечном любопытстве, решила провести небольшой эксперимент. Она взяла три сформированных класса после девятого года совместного существования и... перетасовала их, как карты в руках небрежного, но увлеченного игрока. Одни оказались тут, другие – там, и никто точно не знал, по какому принципу это произошло. Возможно, это была проверка на устойчивость. Или, что более вероятно, проверка на гибкость. Можно ли, оказавшись в новой системе координат, остаться собой? Или себя придется немножко переопределить?

Физики говорят, что у электрона нет определенного положения, пока ты его не измеряешь. Он находится в состоянии суперпозиции – сразу во многих местах с разной вероятностью. Так и наши героини в тот сентябрьский день: они были одновременно и там, где их привычное место, и тут, где их новое, неведомое место. И только когда директор объявил новые списки, состояние «коллапсировало» – вероятности превратились в факты. Аннушка и Августюша оказались в одном классе.

Первая встреча случилась в узком коридоре у крючков для одежды на физкультуре, пространстве, традиционно предназначенном для столкновений школьных рюкзаков, школьных тайн и первых контактов.

Аннушка, пытаясь протиснуться к своему новому шкафчику, неуклюже махнула тяжелым портфелем и слегка задела плечом девушку с очень серьезными, внимательными глазами и аккуратно уложенными в пучок волосами.

«Ой, прости! Я тебя задела!» – вырвалось из Аннушки почти автоматически, с легким испугом и желанием сразу исправить ситуацию.

Девушка с пучком не отшатнулась, не сделала строгого лица. Она просто повернулась, и на её лице появилась улыбка – не широкая, не демонстративная, но очень искренняя, будто она только и ждала этого маленького столкновения.

«Ничего страшного...», – сказала она мягко. – «Зато теперь мы знакомы!».

Имя было – Августюша (для близких Августюша). Но в тот момент, в этом коридоре, оно звучало как некое волшебное слово, открывающее двери. Аннушка почувствовала что-то странное – не электрический разряд, не удар, а тихое, но отчетливое *щелчок*. Как будто замкнулась цепь, которую никто специально не собирал, но которая была необходима для работы какого-то важного, пока неизвестного механизма.

Аннушка тоже представилась: «Анна, для близких - Аннушка!».

Они посмотрели друг на друга – Аннушка с её непослушными, вечно стреляющими в разные стороны волосами (волосы её были очень-очень длинными, аж до пояса) и ярким, непо-

средственным взглядом, и Августюша с её спокойной, анализирующей мудростью во глазах. И одновременно рассмеялись. Не над ситуацией, не над собой. Они рассмеялись, потому что этот щелчок был также щелчком понимания, радости от обнаружения чего-то нового и одновременно давно знакомого.

Так началась их Вселенная дружбы на квантовом уровне. Учёные назвали бы это квантовой запутанностью – состоянием, где свойства одной частицы мгновенно влияют на свойства другой, даже если они разделены. Они ещё не знали этого термина. Они просто знали, что теперь, случайно или неизбежно, они связаны. Их дружба была суперпозицией обоих этих состояний: она была одновременно чистой случайностью (столкновение в коридоре) и абсолютной неизбежностью (тот щелчок, который нельзя было проигнорировать).

И каждый их дальнейший момент поддержки, каждый совместный смех, каждое сказанное «я понимаю» становилось фракталом этой новой гармонии – маленьким, само-похожим узором, который повторялся в бесконечности их общих дней, создавая все более сложную и прекрасную картину.

А принцип Бора? Принцип дополнительности? Он работал с первого дня. Можно ли быть одновременно и яркой, спонтанной Аннушкой, и спокойной, рассудительной Августюшой в одной новой системе координат – классе? Ответ оказался положительным. Они не просто могли. Они дополняли друг друга, создавая целое, которое было богаче и сложнее, чем просто сумма двух частей. Их система координат расширилась, включив в себя не только новое помещение и новых учителей, но и новую, квантовую сущность – их дружбу. И эта сущность оказалась самой устойчивой и самой гибкой вещью в их меняющемся мире.

## Глава 2. Разные пути – один ритм, или Двойная жизнь Августюшы

Если бы жизнь была музыкальным произведением – а она, по глубокому убеждению, Аннушки, им и являлась, – то после девятого класса у каждой из них появилась своя, ещё не прописанная в нотах, партия. И партии эти звучали в, казалось бы, совершенно разных тональностях. Но удивительное дело – они идеально ложились на один и тот же ритм. Ритм молодости, поиска и той тихой, упрямой надежды, которая живет под грудой учебников и за закрытыми дверями комнат.

Августюша, например, официально, для всех, включая родителей и завуча, училась на экономиста. Это было разумно, перспективно и очень солидно. На семейном совете было решено, что аналитический ум дочери – прямой путь в мир финансовой стабильности. И Августюша не спорила. Она действительно имела аналитический ум. Она могла разложить по полочкам теорию предельной полезности или нарисовать изящный график спроса и предложения, который выглядел бы как произведение современного искусства. Но вот загвоздка: её сердце, эта странная, неподконтрольная разуму мышца, лежало совсем в другом месте.

По вечерам, когда учебники по макроэкономике засыпали корешком вверх на краю стола, Августюша доставала другие книги. Толстые, пахнущие библиотечной пылью и чем-то ещё – формалином и человеческими судьбами. Учебники по анатомии. Там, среди схем венозной системы и загадочных латинских названий мышц, жила её тайная мечта. Не о славе хирурга, нет. О простой, ясной возможности *помочь*. Соединить разорванное, успокоить больное, вернуть улыбку. Помочь будучи врачом ли педагогом – учителем для маленьких людей! Иногда, вместо анатомических атласов, она выводила в тетради планы уроков. «Тема: почему небо синее для первоклашек». «Метод: объяснение через призму волшебного спектра и улыбку учителя». Она представляла, как стоит у доски, а перед ней – море любопытных глаз, готовых впитать не только знания, но и веру в доброту мира. Экономика строила модели, а её душа хотела строить мосты. Между людьми. Между вопросом и ответом. Между одиночеством и пониманием.

Аннушка же свой путь нашла сразу, ярко и безо всякого двоемыслия. Она нашла его в парикмахерском искусстве, и это было не просто ремесло. Это была её магия.

– Смотри! Я ведь не просто отрезаю лишнее. Я слушаю. Вот эта прядка, видишь, она торчит не потому, что непослушная. Она потому, что хочет свободы. А вот эта лежит слишком гладко – ей не хватает дерзости. Я даю им договориться друг с другом. – говорила она Августюше, водя острыми ножницами вокруг пряди на тренировочной манекен-голове, которую ласково звала Людмилой.

Она могла часами рассказывать о темпераментах волос, о том, как стрижка меняет не только внешность, но и походку, и даже взгляд.

– Человек заходит ко мне с лицом, на котором написано: «Мир – скучная серая тряпка». А выходит... – Аннушка откладывала ножницы и расчесывала воображаемые локоны на Людмиле.

– А выходит с мыслью: «А, черт возьми, я же красавица! И мир, кажется, тоже». Вот что я создаю. Не прически. Настроение. Счастье, которое можно потрогать руками, провести по нему расческой. – мелодично изрекала Аннушка.

Их вечера за чашкой чая (у Августюшы – с бергамотом и строго по расписанию, у Аннушки – с чем угодно, от имбиря до клубничного варенья, и всегда спонтанно) стали временем обмена вселенными. Августюша рассказывала о парадоксе бережливости и тут же, смущаясь, – о том, как представляла себе объяснение детям круговорота крови в организме через

историю про маленькую храбрую клетку-путешественницу. Аннушка демонстрировала новые приемы плетения и философствовала о том, что жизнь похожа на неудачную стрижку: часто кажется, что все испорчено, но стоит найти правильный угол, добавить немного асимметрии – и вот уже рождается новый стиль.

Они спорили. Жарко и с удовольствием. О книгах, о смысле жизни, о том, можно ли доверять гороскопам (Аннушка – «конечно, это же поэзия!», Августюша – «но поэзия не должна претендовать на научную точность!»). Спорили и тут же смеялись, потому что в самой основе их споров лежало не желание переубедить, а радость от того, что мир можно увидеть с такой другой, увлекательной точки зрения.

И была у них одна общая, почти детская, но свято хранимая вера. Они верили, что Вселенная не просто бездушный механизм. Что она – внимательный, хоть и слегка рассеянный слушатель. Что их желания, особенно высказанные вслух за чаем, смешанные с паром и смехом, не растворяются в пустоте. Они, как семена, падают в темную, теплую почву мироздания и ждут своего часа прорасти.

– Хочу, чтобы у меня получалось дарить людям уверенность», – говорила Аннушка, разглядывая свои инструменты.

– А я хочу, чтобы мои знания когда-нибудь действительно кому-то помогли, а не просто легли в отчет о прибыли, – тихо признавалась Августюша.

Им казалось, что где-то там, в звездной черноте, кто-то кивает и ставит галочку напротив их имен. Потому что дружба – это ведь тоже своего рода передатчик. Она усиливает сигнал, посылаемый во внешний мир. Вдвоем они были не просто Августюшой и Аннушкой. Они были целой станцией, транслирующей в эфир доброту, мечты и непоколебимую веру в то, что самые разные пути, если идти по ним с открытым сердцем, ведут к одной и той же точке гармонии. Просто одни – через графики и учебники, а другие – через ножницы, запах лака для волос и смех, который остается в салоне ещё долго после ухода клиента.

### Глава 3. Свадьба и творческий полёт, или Как создать шедевр из обычного четверга

Если говорить на языке физики – а подруги к тому моменту уже всю этим языком пользовались, – так свадьба Августюши была идеальным примером фазового перехода. Обычное, пусть и волнительное, состояние «невесты» под воздействием творческого катализатора по имени Аннушка перешло в качественно новое агрегатное состояние – «сияющей вселенской радости с локонами». Этот переход случился в маленькой парикмахерской Аннушки, которая в предсвадебные дни больше напоминала одновременно лабораторию алхимика, мастерскую художника и штаб по подготовке к военному параду счастливых эмоций.

Ксенофонт, жених, был человеком основательным, тихим и смотрел на Августюшу так, будто она была не просто девушкой, а редкой, безукоризненно сформулированной теоремой, которую ему посчастливилось доказать. Свадьбу они планировали скромную, душевную. «Главное – чтобы было тепло и искренне», – говорила Августюша. Аннушка слушала, кивала, а в глазах у неё в это время вспыхивали целые фейерверки из идей.

– Стандартные свадебные пучки и гладкие волосы – это для статистиков, а не для моей Августюши! Ты же не стандартная. Ты – целая галактика. И твоя прическа должна это отражать. – объявила она однажды вечером, расставляя на столе баночки, флакончики, щипцы и загадочные сверкающие шпильки.

– Соф, я не галактика, я просто невеста. Мне бы что-нибудь... эlegantное. И чтобы не мешало. – Августюша, привыкшая к четким графикам и учебным планам, смотрела на этот творческий хаос с легкой паникой.

– Мешать?! – воскликнула Аннушка, как будто услышала кошунство.

– Оно не будет мешать! Оно будет *парить*! Доверься мне. Ты же помнишь мое правило номер один?

– «Ножницы не лгут»? – неуверенно предположила Августюша.

– Нет! Правило номер один: волосы – это не просто волосы. Это антенны, которые ловят сигналы счастья в день свадьбы или в любой другой день. И мы должны настроить эти антенны на максимальную мощность приема!

В назначенный день, ранним утром, Августюша вошла в салон. На улице стоял самый обычный четверг. Но внутри творилась магия. Аннушка, облаченная в рабочий халат, похожий на мантию волшебницы, уже кипятила воду для чая с ромашкой «для успокоения нервов» и расчесывала парик-манекен с видом полководца перед решающей битвой.

Процесс создания шедевра не был стремительным. Это был ритуал. Аннушка сначала минут двадцать просто расчесывала волосы подруги, рассказывая смешные истории из жизни клиентов. Потом началось плетение. Не простое, а какое-то космическое – с внезапными поворотами, вплетением тончайших шелковых лент цвета утренней зари и крошечных искусственных цветов, похожих на жемчужины.

– Это не жасмин, – таинственно поясняла Аннушка, закрепляя очередной бутон.

– Это застывшие капли росы с поля, где ты впервые поняла, что любишь Ксенофонта. А эта лента – луч первого солнца, которое вы увидите, как муж и жена. – всё также таинственно тараторила, словно мантру, Аннушка, закрепляя очередной бутон.

Августюша слушала, улыбалась и потихоньку отпускала своё привычное стремление все контролировать. Она сдавалась потоку творчества, и это было удивительно легко. Под пальцами Аннушки её волосы оживали, превращались в нечто воздушное, объемное, украшенное светом и цветом. Завершающим штрихом стала легчайшая вуаль, закрепленная не как тюремная решетка, а как легкое облачко, готовое улететь от дуновения ветра.

И вот настал момент. Аннушка закончила последний штрих, сделала шаг назад и торжественно произнесла:

– Готово. Но не смотри пока. Закрой глаза.

Она развернула кресло к большому зеркалу и положила руки на плечи подруги.

– Теперь открой.

Августюша открыла глаза. И замерла. В зеркале смотрела на неё не знакомая девушка, а какое-то другое, сияющее существо. Прическа была сложной, но при этом невероятно легкой. Локоны мягко обрамляли лицо, цветы и ленты переливались при малейшем движении. Это было не просто украшение. Это было продолжение её самой – романтическое, нежное и полное сокровенной радости. В её глазах стояли слезы.

– Аннушка... – прошептала она.

– Это... это же волшебство.

– Нет, это ты, – парировала Аннушка, и её голос вдруг стал тихим и серьезным.

– Я просто... высвободила то, что уже было внутри. Сияние. Ты сегодня вся светишься изнутри. Я лишь добавила немного огоньков снаружи, чтобы все это увидели.

– Ты не просто парикмахер, – сказала Августюша, оборачиваясь и беря подругу за руки.

– Ты волшебница. Настоящая.

– А ты – моя лучшая муза, – подмигнула Аннушка, и в её глазах блеснула привычная озорная искорка.

– Без тебя мои ножницы были бы просто холодным железом. Ну что, готова покорять своего математика?

На самой свадьбе гости действительно шептались: «Какая красивая пара!» Ксенофонт в строгом костюме смотрел на Августюшу так, будто боялся моргнуть, чтобы не спугнуть видение. Августюша парила в легком платье, и её прическа выдержала все: и танцы, и объятия, и даже порыв ветра на улице, который лишь игриво приподнял вуаль.

Но в самый трогательный момент, во время первого танца, их взгляды встретились через зал. Августюша и Аннушка. Невеста и её волшебница. Они поймали друг друга глазами, и между ними пробежала молния полного, безоговорочного понимания. Все эти восхищенные взгляды гостей, цветы, музыка – все это было прекрасно. Но самая прочная, самая красивая и невидимая нить в этом зале протянулась между двумя подругами. Она не требовала слов. Она просто была. Ощутимая, как гравитационное поле, которое невидимо, но удерживает планеты на орбитах. Они улыбнулись друг другу – и в этой улыбке была вся их история: от случайного толчка у школьных шкафчиков до этого сияющего момента, где каждая деталь, включая эти идеальные локоны, была свидетельством их странной, квантовой, неразрушимой дружбы. Они улыбнулись друг другу – за жизнь, полную таких вот моментов света.

## Глава 4. Преподаватель и ученица, или Как кривая спроса вывела на орбиту дружбы

Жизнь, как известно любому уважающему себя физику, имеет свойство описывать причудливые петли и спирали. Вот, например, Августюша. Сначала она мечтала лечить людей, потом, по воле родительского графика, изучала, как лечить бюджеты. А в итоге стала лечить невежество в области макроэкономики у разношерстной аудитории в местном институте по обучению других людей своей профессии: финансам и экономике. Судьба, словно насмехаясь, взяла её школьную мечту о преподавании, обернула её в скучные на первый взгляд термины вроде «эластичность спроса» и «монетарная политика» и подала с ироничной улыбкой: «На, Августюша, учи. Только предмет другой».

Августюша не просто смирилась. Она втянулась. Обнаружила, что объяснять сложное простыми словами – это почти как собирать пазл. А когда видишь, как в глазах студента загорается лампочка понимания, – это по ощущениям сравнимо с удачно подобранным лекарством. Она даже выработала свой стиль: строгий пиджак, но с яркой брошкой в виде совы (символ мудрости, как она объясняла), четкий план лекции и обязательная живая история-иллюстрация из жизни. «Если вы не можете объяснить свою бизнес-идею так, чтобы её поняла моя соседка тетя Люба, продающая на рынке семечки, – у вас плохая бизнес-идея», – любила говорить она.

И вот в один прекрасный осенний семестр, просматривая новый список группы на вечернем отделении, она замерла. Палец задержался на строчке: «Анна Петровна И...» Фамилия была новая, замужняя. Но имя-отчество... Сердце сделало странный кульбит. «Не может быть, – подумала Августюша. – Совпадение. В городе тысячи Аннушек».

Первый же учебный день развеял сомнения. Когда она, поправляя очки, начала переключку и добралась до той самой фамилии, из глубины аудитории раздался сдавленный смешок, знакомый до мурашек.

– Анна Петровна?

– Я! – бодро отозвался голос, и из-за спины высокого слушателя, изучавшего менеджмент, вынырнула... да, она сама. Аннушка. Точнее, теперь солидная Анна Петровна. Но глаза – те же, озорные, с золотистыми искорками. Волосы убраны в строгую, но безупречно уложенную волну. На ней был элегантный костюм, но на лацкане пиджака красовалась крошечная, почти невидимая брошь в виде ножниц.

Их взгляды встретились. В аудитории повисла секундная пауза, которую уловили даже самые сонные студенты. Августюша с трудом подавила смех. Аннушка прикрыла рот ладонью, но плечи её предательски вздрагивали.

– Присутствует, – наконец выдавила из себя Анна Петровна, и в её голосе звенела неподдельная веселая наглость.

Пару минут Августюша собиралась с мыслями, водя пальцем по списку. Потом подняла голову, сделала самое строгое лицо, какое могла, и произнесла с подчеркнутой академичностью:

– Ну что ж, коллеги, начинаем. Сегодня мы погрузимся в увлекательный мир кривых спроса и предложения. Надеюсь, все готовы к открытиям? Особенно вы, студентка И... – она снова взглянула на Аннушку, и уголки её губ дрогнули.

– У вас ведь есть базовое понимание, как *предложение* новых образов влияет на *спрос* на ваши услуги?

Аудитория замерла, не понимая подтекста. Но Аннушка расцвела.

– О, да, Августюш... то есть, уважаемая Августюша Валерьевна! – парировала она с игровой серьезностью.

– Я как раз специализируюсь на эластичности... волосяного покрова по отношению к цене на хорошего настроения. Готова поделиться кейс-методом, как техникой обучения.

– Прекрасно, – кивнула Августюша, окончательно сдаваясь и позволяя улыбке озарить лицо.

– Ваш опыт нам очень пригодится. Но сначала – теория. И, кстати, опоздания, – она снова сделала серьезное лицо, – даже по уважительным творческим причинам, у нас караются дополнительными вопросами на семинаре. Это закон рынка: за дефицит пунктуальности – повышенный спрос на знания.

Так началась самая необычная учебная пара в истории их института. Для посторонних это выглядело так: опытный преподаватель и одна из студенток находятся в каком-то поразительном интеллектуальном резонансе. Они могли на лету подхватывать мысли друг друга.

– Итак, если государство вводит налог на производителя, кривая предложения...

– ...сдвигается влево и вверх, как челка после неудачной стрижки! – выпаливала Аннушка с задней парты.

– Совершенно верно, – хохотала Августюша.

– Только «челка» у нас теперь стоит дороже, и спрос на неё падает, если, конечно, это не работа мастера И... – Она делала паузу, и вся группа оборачивалась на сияющую Аннушку.

Они разбирали задачи, придумывая абсурдные, но до боли понятные аналогии. Понятие «альтернативные издержки» объяснялось на примере выбора между вечерним наращиванием ресниц клиентке и посиделками с подругой за вином. «Трансакционные издержки» – это время, потраченное на уговоры капризного клиента сесть в кресло и не дёргаться.

Одно-группники сначала недоумевали, потом стали втягиваться. Сухая экономика превращалась в живую, почти детективную историю о выборе, последствиях и человеческой психологии. «Почему у вас так интересно?» – спросил как-то седовласый директор завода. «Потому что экономика – это не про цифры», – ответила Августюша, глядя на Аннушку. – «Это про людей. А людей, как известно, надо сначала понять, а потом уже что-то рассчитывать».

После пар они часто засиживались в пустой аудитории или шли в ближайшее кафе.

– Представляешь, я тут думаю, мой салон – это же чистая микроэкономика! Я формирую индивидуальное предложение на конкурентном рынке, где ключевой фактор – дифференциация услуги (моё волшебство!), и должна постоянно следить за издержками, иначе прибыль «уплывет», как краска при неудачном окрашивании! – говорила Аннушка, размешивая капучино.

— Браво, студентка! Вы только что сформулировали идеальную бизнес-модель. А я, – она вдруг задумалась, – я вот только сейчас по-настоящему понимаю, почему люблю преподавать. Это не транслирование знаний. Это... обмен энергией. Ты отдаешь часть своего понимания, а получаешь взамен новые, неожиданные ракурсы. Как в нашей дружбе. – Августюша хлопала в ладоши.

Они замолкали, и в тишине кафе витало что-то очень важное. Ирония судьбы была очевидна: когда-то Августюша мечтала учить Аннушку чему-то важному. Теперь она и учила – скучным, казалось бы, экономическим законам. Но на самом деле происходило обратное. Софучка, со своим взглядом художника и практика, учила Августюшу видеть за формулами живую, дышащую, иногда абсурдную жизнь. Она напоминала ей, что любая система, даже самая стройная, как теория рыночного равновесия, работает только тогда, когда в её центре – человек с его «неэластичным» желанием быть счастливым.

На выпускном экзамене Анна Петровна сдала на «отлично». На вопрос о факторах, влияющих на потребительский выбор, она, среди прочего, написала: «...и субъективное восприятие ценности, которое может возрасти на порядок, если продавец (например, парикмахер)

вложит в процесс не только навык, но и доброту, превратив транзакцию в маленький праздник. Это не описывается стандартными кривыми, но именно это заставляет клиента возвращаться, создавая лояльность – самый ценный нематериальный актив».

Августюша, проверяя работу, поставила высший балл и на полях нарисовала смешную рожицу. А вечером, вручая диплом, сказала уже совсем не как преподаватель:

– Знаешь, я горжусь тобой. Ты была не просто лучшей студенткой. Ты была моим соавтором по этому курсу.

– А ты, – обняла её Аннушка, – была моим проводником в мир, который оказался не таким уж чужим. Обещаю, все полученные знания я буду использовать только в мирных целях: для расчета оптимальной цены на стрижку и объяснения мужу, почему мне нужна ещё одна парочка профессиональных ножниц. Это инвестиция!

Они рассмеялись, понимая, что круг замкнулся самым изящным образом. Дружба действительно оказалась точной наукой. Главная её формула, выведенная опытным путем, гласила: когда двое учат и учатся друг у друга одновременно, их общая орбита становится не просто устойчивой. Она становится сияющей и невесомой, как мысль, наконец нашедшая свое идеальное выражение.

## **Глава 5. Ночные поездки и кабриолет судьбы, или Звёздная пыль на лобовом стекле**

В той истории, которая творилась с Августюшей и Аннушкой, были, разумеется, не только лекции и парикмахерские ножницы. Было ещё одно измерение – ночное, скоростное, пахнущее бензином и свободой. И появилось оно благодаря тому, что Аннушка, как это часто с ней бывало, взяла и превратила обыденность в чистую магию перемещения.

Она сдала на права с первого раза, что никого из близких не удивило. «У неё врождённое чувство баланса и стиля, – философски заметила Августюша. – А вождение – это ведь тоже баланс между газом и тормозом, между правилами и интуицией». И Аннушка доказала это, явившись однажды вечером к дому подруги за рулём... ну, это нужно было видеть.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.